

Николай РУССЕВ

«ТАТАРЫ КАК-ТО СОВСЕМ ИСЧЕЗЛИ...» (ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ИСТОРИИ БУДЖАКСКОЙ ОРДЫ)

От этих когда-то великолепнейших деревень Бессарабии не осталось и помину; следы их существования можно было найти только по густой и темной траве, выделяющейся в лугах.

А.Ф. Ланжерон

Русско-турецкая война 1806-1812 гг., завершившаяся накануне вторжения войск Наполеона в Россию, имела серьезные последствия для Молдавии. О них до сих пор спорят историки, за прямо противоположными трактовками которых чаще всего стоят очевидные политические интересы. Потомки победителей и побежденных так или иначе стремятся отстоять или восстановить истину. Жажда обосновать исторические права «за давностию лет», к счастью, проявляется только в виде локальных приступов, тяготеющих к юбилеям вроде 200-летия подписания Бухарестского мира.

Однако в прошлом нашего края находятся и «беззащитные» готы, гунны, печенеги, половцы... Почти полное молчание историографии (и особенно учебников) сделало свое дело. Большинство жителей Молдавии, не говоря уже об отдаленных странах, ничего о них не ведают. Создается устойчивое впечатление, что этих народов не было в нашей истории. Забытыми или полузабытыми можно считать и буджакских татар, которые еще в конце XVIII – начале XIX в. составляли основу населения степей, лежащих между низовьями Дуная и Днестра.

Жизнь кочевников и полукочевников Буджака, оказавшаяся за рамками времени пребывания этого региона в составе Российской империи, а затем СССР, не стала актуальной темой русскоязычной историографии. Проблематики скорее небрежно касались, нежели по-настоящему занимались ею. Однако в исторической литературе утвердилось клише, однобоко и долго представлявшее буджакских татар исключительно как «хищников»¹. Считалось, что «выселение татар для Молдавии явилось весьма благоприятным фактором, ибо татары-кочевники были беспокойными соседями, без конца совершавшими разорительные набеги». В результате действий Рос-

сии в войне 1806-1812 гг. «навсегда прекратились частые набеги татарских буджакских орд на молдавские города и села», а образовавшийся в степях почти пустынный район открыл «большие перспективы для юга»². Прямо говорилось об «освобождении Буджака от ногайцев» в качестве необходимой предпосылки для будущих успехов социально-экономического развития края³. Преодолеть такой подход оказалось чрезвычайно трудно даже в годы раскрепостившей сознание ученых перестройки. На мой взгляд, именно поэтому даже в лучших статьях по этой тематике Буджакская орда – это «типичное военно-грабительское кочевое объединение»⁴.

Работы последних лет только отчасти восполняют пробелы в знаниях об искомом прошлом⁵. Показательно, что их авторы не трагируют финальной стадии истории нахождения татар в Буджаке, которая и теперь остается одной самых слабоосвещенных в судьбе целого народа. Именно этот в значительной мере табуированный прежде вопрос следует считать центральным в предлагаемой вниманию читателей статье.

Поиски ответа, построения, умозаключения строятся главным образом на двух историко-литературных памятниках повествовательного характера, связанных происхождением с кадровыми военными Молдавской (Дунайской) армии российского императора Александра I – непосредственными участниками и свидетелями событий, происходивших в Буджаке в русско-турецкую войну 1806-1812 гг. По различным причинам, зачастую не имеющим прямых связей с наукой, они недостаточно полно использовались исследователями.

Первый источник – «Журнал военных действий 2-го корпуса войск под командой господина генерала от кавалерии и кавалера барона Мейндорфа», который в начале кампании вел адъютант командующего, создатель современного украинского языка и классик украинской литературы штабс-капитан Иван Петрович Котляревский (1769-1838). Согласно мнению, высказанному на исходе XIX в. в журнале «Киевская старина» при публикации дневника похода Вс. Срезневским, записи И.П. Котляревского – «ясная и точная по своему официальному характеру запись очевидца о вступлении русских войск в Турцию в 1806 г.»⁶.

Другое свидетельство – записки о той же войне с Турцией генерала от инфантерии графа Александра Федоровича Ланжерона (1763-1831). Убежденный роялист, выходец из аристократического рода, с началом революции во Франции он перешел на русскую службу в чине полковника и принимал участие в боевых действиях вплоть до 1829 г. В войне 1806-1812 гг. он одержал несколько значимых

побед над османами, а одно время даже командовал всей Молдавской армией. С 1796 г. А.Ф. Ланжерон «вел весьма подробный журнал» на французском языке. Более ста лет назад «Русская старина» напечатала без сокращений часть обширного дневника, относящуюся к русско-турецкой войне начала XIX в. В связи с этим переводчик и издатель текста Е. Каменский отметил, что писал граф честно и откровенно, хотя субъективно, ядовито и свысока, а его записки «в историческом отношении представляют серьезный документ»⁷.

Сравнивая эти базовые источники, нельзя обойти профессионализм и широкую информированность обоих авторов, имевших доступ к массе служебных бумаг, в том числе секретного характера, а также возможности не только наблюдать, но и самостоятельно влиять на события, связанные со степняками Буджака. Главные различия, пожалуй, объясняются служебным положением, продолжительностью пребывания в действующей армии и предназначением самих записей. То, что в принципе мог позволить себе генерал, никак не допускалось для штабс-капитана. И.П. Котляревский находился в Буджаке только до конца 1807 г., когда убыл к новому месту службы в Литву, а его записи приходятся только на ноябрь-декабрь 1806 г.⁸ А.Ф. Ланжерон, напротив, практически до конца войны играл значительную роль в боевых операциях. Наконец, в отличие от сухих сведений «Журнала военных действий», записки графа не предназначались для глаз соратников, а носили подчеркнуто эмоциональный характер и отражали его личное отношение к реальности. В 1824 и 1827 гг. он дополнил их примечаниями, но «первоначальный текст сохранил в неприкосновенности»⁹. По этой причине всякий исследователь в данном случае имеет дело с переложением оперативных сведений и живых впечатлений, а не с мемуарами отставного генерала.

Как указывает И.П. Котляревский, после бескровного взятия крепости Бендеры 23 ноября 1806 г. командующий корпусом *«великую имел заботу к преклонению буджацких татар к стороне России. Татарские начальники и почетнейшие в поколениях были в колебании к принятию дружелюбно российских войск»*. Чтобы провести эту важную работу среди кочевой знати, Казимир Иванович Мейндорф, или Мейендорф (1749–1813) предложил *«ехать в Татарию»* бригадиру Катаржи и своему адъютанту, вероятно, в качестве особо доверенного лица. Так автор уже написанной тогда украинской «Эне-

* Здесь и далее даты в соответствии с источниками приведены по старому стилю.

иды» оказался в гуще событий, развернувшихся вокруг Буджакской орды¹⁰.

Дипломатические ходы с целью пресечь возможность соединения сил степняков с османскими войсками русское командование взяло в свой арсенал не впервые. Как известно, в августе 1770 г. граф П.И. Панин (1721-1789) подписал договор с едисанскими и буджакскими татарами, в котором они заявили: *«Мы от Порты Оттоманской отщепились и отдаемся под протекцию императрицы»*¹¹.

И.П. Котляревский и его спутники, *«странствуя несколько дней по смиренным жилищам варварского народа сего»*, при помощи переводчика убеждали татарских старшин в миролюбивых планах своего командования. Обещали дружбу и выгоды от российской армии, если они *«пребудут спокойными при переходе войск чрез их земли»*. В результате о своей поддержке мало-помалу заявили обитатели 205 селений всех четырех административных округов Буджака: в уезде Орум-бет-оглу - 76 деревень, затем 36 и 61 деревень уездов Оран-оглу и Еть-исин кой и, наконец, 32 деревни Измаильского уезда. По данным журнала, в османской зависимости остались только 7 татарских деревень Измаильской райи¹². Стало быть, за короткое время удалось сделать своими союзниками жителей около 97 % татарских населенных пунктов Буджака.

Здесь уместно коснуться проблемы численности буджакских татар – вопроса нерешенного и неоднозначно трактуемого исследователями. Считается, что в конце 60-х гг. XVI в. они составляли до 30 тыс. человек, а в середине XVII в. – уже 45 тыс. При этом «в середине XVIII в. Буджакская орда могла выставить до 30 тыс. вооруженных всадников»¹³. Действительно, турецкий автор, побывавший в этих краях между 1656 и 1660 гг., писал: *«Этих быстрых как ветер и жаждущих встречи с врагом татар, которых называют буджакскими, насчитывается до 45 тысяч»*¹⁴. Через сто с небольшим лет профессор из университета в Галле (Саксония) утверждал, что буджакские татары могут при необходимости вооружить от 30 до 40 тыс. человек¹⁵. Если это так, то их общая численность за это время возросла в 4-5 раз! Такой естественный прирост населения для условий того времени кажется невероятным.

Вместе с тем несомненно: «первые две трети XVIII в. характеризуются повышением концентрации кочевого и полукочевого населения в Буджаке». Так, в сообщении анонимного турецкого автора 1740 г. говорится: *«Буджак дает контингент в 30 000»* татар¹⁶, а в 1758 г. буджакские ногайцы выступали против Едисанской орды с 40-50 тыс. всадников, т. е. их общее количество всего за два десятилетия возросло приблизительно от 150 до 200 тыс. человек¹⁷.

По договору П.И. Панина с ногайской верхушкой в 1770 г. 12 тыс. степняков вышло из подданства Османской Порты и перекочевали из Буджака в северные уезды Таврической губернии¹⁸. Впрочем, скорее переселилось около 12,5 тыс. семей, ибо после этого П.А. Румянцев отметил, что Буджакская степь осталась *«землей обнаженной, без жителей и всего, что к содержанию человека служит»*¹⁹. Правда, осенью 1785 г. русские наблюдатели отметили организованное Турцией массовое переселение ногайцев в Бессарабию. К 1787 г. количество буджаков достигло 30 тыс., но в ходе очередной русско-турецкой войны они откочевали за Дунай. По окончании военных действий Порта вернула их назад. К тому же из-под Очакова сюда пришла часть Едисанской орды. В результате к 1794 г. в Буджаке обитало 20-23 тыс. семей ногайцев²⁰.

Таким образом, следует отметить постоянное и очень существенное колебание количественного состава буджакских татар, находившегося в прямой зависимости от миграций, вызванных военно-политической обстановкой в регионе и политикой великих держав. Во всяком случае, это справедливо для XVIII в. Однако, даже несмотря на эти факторы внешнего происхождения, исследователей не может не смутить несоответствие цифр, содержащихся в источниках. При относительном обилии статистического материала расчеты количества кочевых и полукочевых татар Буджака затруднены, а получаемые результаты весьма противоречивы.

Не являются в этом смысле исключением и данные 1806-1807 гг. В журнале 2-го корпуса утверждается, что в четырех уездах было всего 212 татарских селений. При этом И.П. Котляревский сообщает, что командующий стремился не обострять отношений *«с татарами буджацкими, коих до 40 тысяч простираются»*. Наконец, по его же информации, степняки могли *«до 30 тысяч собрать вооруженного народа»*²¹.

Показательно, что с данными И.П. Котляревского отчасти совпадают сообщения А.Ф. Ланжерона. В частности, генерал характеризует Бессарабию – южную часть исторической Молдовы, срединную часть которой составлял Буджак²². Он пишет: *«Эта провинция была населена татарами, которые могли бы легко выставить 30 000 конницы и неожиданным быстрым набегом разрушить Одессу...»*²³. У него нет точных сведений о числе татарских селений, однако имеется упоминание о *«бесчисленных деревушках»* в придунайском районе. Кроме того, он говорит, что в долине речки Кондукта *«расположены были тогда десятки деревень»*. **Кинбей** автор записок определяет как *«очень большую деревню»*, тогда как в находившемся в 15 верстах от нее поселении **Табак**, по его мнению, насчитыва-

лось 500 татарских домов²⁴. К описанию буджакской Татарики можно добавить записанные в 1816 г. свидетельства о прошлом местечка Каушаны, которое *«во время татар было многолюднейшим и богатым городом. Некоторые из жителей помнят еще, что одних купеческих лавок было до 700»*²⁵. Таким образом, если количество жителей поселения Табак доходило до 2-2,5 тыс. чел., то в Каушанах могло быть вдвое больше. В то же время в крепости и форштадте Бендер обитало жителей *«магометанского исповедания – 5 981, да других наций и исповеданий – 1 900»*²⁶.

При самых простых подсчетах получается, что на один татарский поселок в среднем приходилось по 189 жителей, но при этом каждый из них должен был сформировать отряд, превышающий 140 воинов! Это значит, что в каждом населенном пункте боееспособными следовало быть 75 % жителей! Для сравнения: в Первую мировую войну доля мобилизованных в воюющих странах составляла от 8-9 % до 20-22 % мужчин в возрасте от 15 до 50 лет, которые обычно составляют около 25 % всего населения²⁷. Даже при повышенных мобилизационных возможностях степных сообществ вряд ли можно говорить о способности буджакских татар начала XIX в. вооружить больше 30 % всадников. Этому препятствовали и небольшая продолжительность жизни, большое количество малолетних детей, общий низкий уровень благосостояния – черты, характерные для народонаселения эпохи средневековья в целом.

По всей видимости, встречающаяся в обоих анализируемых источниках оценка военной мощи буджакских татар в 30 тыс. всадников была в русской армии общепринятой и в известном смысле выгодной для ее командования, но явно завышенной цифрой. При этом представление об их общей численности в 40 тыс. человек, судя по всему, в гораздо большей степени соответствовало истине. Но даже в этом случае возникают сложности в осмыслении реальности двухвековой давности. К примеру, в исторической литературе указывается, что в 1807 г. 6353 ногайца, включая членов семей, переправились через Днестр, чтобы следовать к указанным русскими властями местам нового поселения²⁸. Однако как сложилась судьба абсолютного большинства (более 80 %!) их соплеменников? Этот вопрос особенно актуален в сравнении с официальными записями в журнале о миссии, *«с не ожидаемым успехом счастливо исполненной»*, в итоге которой *«сей варварский, жестокий и недоверчивый народ был благополучно преклонен к российской стороне и успокоен»*

* Правильно - Кубей (ныне Червоноармейское) и Табаки – теперь села Болградского района Одесской области Украины.

– 205 селений из 212²⁹. Есть сообщения, что 15 тыс. татар ушло в Добруджу, находившуюся тогда под властью османов³⁰. Почему так случилось? И куда после ухода в противоположных направлениях примерно 21 тыс. человек делась едва ли не половина буджакских татар?

Штабс-капитан И.П. Котляревский, награжденный орденом Анны третьего класса за успешное исполнение связанного с риском для жизни «дипломатического поручения привлечь к России буджакских татар»³¹, записал в декабре 1806 г.: *«Переходя из деревни в деревню к старшинам и начальникам их, находили везде толпы вооруженных татар, собирающихся для советов на счет российского войска»*. Общее беспокойство было очевидным, хотя до степных селений уже дошли слухи о том, с какой *«добротою и приязнью»* обращаются русские с жителями Бендер и, в частности, *«не входят ни в какое распоряжение против обычая турков»*. К тому же они сами услышали от полномочных представителей генерала К.И. Мейндорфа *«обещание дружелюбия, даже выгод тех, что войска за все взимаемое у татар будут платить наличными деньгами»*. Вместе с тем во всех четырех татарских уездах русские взяли *«аманатов»*. Затем они прибыли в *«Каушаны к тамошнему над татарами воеводе и сего убедили в знак верности своей к нашей стороне и преклонности к России прислать к командующему брата своего в залог»*³². Итак, реальной основой вновь налаженных добрых отношений стало присутствие в регионе с ноября 1806 г. *«50 000 человек прекрасных войск»*³³, командование которых взамен лояльности обещало татарам уважение к их традициям и материальную выгоду от продажи необходимых для армии товаров.

Как известно, обещание и действительность уживаются с большим трудом. Особенно в условиях военного времени. Разобраться в том, как изменялась ситуация вокруг татар, пожалуй, невозможно без детального рассмотрения событий, разворачивавшихся в степях Буджака. В течение 1807 г. здесь не было значительных военных действий. Однако, как свидетельствует А.Ф. Ланжерон, который прослыл в глазах современников как *«храбрый генерал, добрый правдивый человек, но рассеянный, большой балагур и вовсе не администратор»*³⁴, армия и более всего ее командиры вовсе не бездействовали.

Во-первых, далеко не все генералы российской армии подобно Мейндорфу считали, что *«татары - наши лучшие друзья»*. Во-вторых, вопреки ожиданиям командующего 2-м корпусом, взятие заложников не дало должного результата. Судьба соплеменников интересовала татар мало; к тому же они *«слишком хорошо знали русские нравы, чтобы думать, что они их убьют»*. В-третьих, их традиционные

более тесные отношения с турками - политические и культурные (в том числе благодаря единоверию и близости языков) - почти тут же давали о себе знать. Дело не только в том, что один из татар вошел в доверие к русским, а затем сообщил о расположении их войск неприятелю. Отсутствие дружественности проявлялось и на коллективном уровне. Показателен случай, имевший место в многолюдном селении Табак, куда под носом у русских скрытно вошел и спокойно заночевал османский отряд из 4000 кавалеристов! Однако никто из жителей так и не предупредил недавно обретенных союзников о смертельной опасности. *«Это только доказывало их доброе отношение к нам!»* – искренне возмущался русский генерал французского происхождения³⁵.

Когда в ноябре 1806 г. армия Ивана Ивановича Михельсона (1740-1807), известного успехами в подавлении восстания Е. Пугачева, перешла Днестр, командование заявило, что русские вступают в Молдавию и Валахию для спасения Турции от осуществления дерзких планов Наполеона. Поддавшись этим уверениям, коменданты Хотина, Бендер, Аккермана и Килии сдали свои крепости без всякого сопротивления. Загвоздка вышла с Измаилом, взять который сразу К.И. Мейндорфу не удалось из-за недостатка сена и ячменя, да и позднее - во время т. н. осады крепости. Войска его корпуса несколько месяцев – с начала марта до конца июля 1807 г. – ограничивались отражением турецких вылазок. Известно, что уже первые неудачи Мейндорфа вызвали недовольствие императора³⁶.

А.Ф. Ланжерон рассказывает, что накануне 1807 г. он из Бухареста приехал в село *Тормоз*^{*} у реки Прут, где нашел растерянного Мейндорфа. Он считал, что этот ливонский барон *«прекрасно знал военную службу (...), но как генерал – был средних дарований, у него не было твердости»*. Когда в начале декабря Мейндорф получил известие *«о желании жителей Измаила принять русский гарнизон»*, он не взял город. Эта нерешительность была на руку туркам. Они привели 26 декабря в Измаил четырехтысячный корпус *«знамени того Пегливан»*, который опередил действия русских войск всего на один день. Османский военачальник немедленно казнил тех, кто был готов перейти на сторону неприятеля.³⁷

Между тем Ланжерону вменили в обязанности охрану границ и наблюдение за татарами, которых находившийся в Измаиле Пегливан-паша не переставал настраивать против русских. Именно 26 декабря граф получил предписание И.И. Михельсона, в котором

* То же самое, что Формоз. Правильно – Фрумоасэ (современный город Гагул в Молдове).

говорилось: «Нужно взять возможные меры, чтоб видели они силы, могущие не только держать их в узде, но и защищать. Прикрытие границ и удержание татар в добром расположении вы признаете главным вашим предметом, а разбить неприятеля вам большого труда стоить не будет»³⁸.

По сообщению И.П. Котляревского, Пегливан встретил Мейндорфа в Измаиле *«неприятенно, производя сильную канонаду по войскам ядрами и бомбами»*. Прокламация, призывавшая жителей открыть ворота в город российским войскам *«для сбережения своих семейств, имения и своей жизни, на случай ежели несогласием своим принудят русских брать крепость силою»*, осталась без ответа³⁹. А.Ф. Ланжерон категоричен в утверждении: если бы Мейндорф взял Измаил еще 6 декабря, *«тогда бы все бессарабские татары были бы принуждены удалиться внутрь России»*. В этом случае, как он полагал, *«государство обогатилось бы несколькими миллионами прекрасного скота и лошадей; содержание и продовольствие армии не стоило бы никаких издержек, а продажа зерна в покинутых татарами деревнях дала бы в государственную казну значительную сумму денег»*⁴⁰.

Однако расстановка сил в крае быстро и существенно менялась. В условиях принимавшей затяжной характер позиционной войны с многочисленными стычками местного значения буджакские татары, как и все мирное население охваченного войной края, оказались в тисках противоборствующих империй, подавлявших их привычный образ жизни и относительную самостоятельность. *«Бессарабские татары, до сих пор очень мирно остававшиеся у своих очагов, легко могли примкнуть к Пегливану, и для нас было очень важно помешать этому намерению»*. Для этого, как считал граф, надо было блокировать Измаил, расположив войска в нескольких верстах от крепости и по татарским селениям между озерами **Ялтух** и **Котлебух**. Там можно было *«всегда получить все нужные припасы и фураж для всего корпуса, на несколько месяцев»*. Напротив, генерал Засс отступил к взятой им 9 декабря крепости Килия, *«и через это вся Бессарабия осталась открытой»*. Зато Пегливан практически сразу же стал действовать решительно и агрессивно. Он разрушил все селения в окрестностях Измаила, заставив степняков принять его предложения и перебраться в город. Затем он с помощью своих вооруженных отрядов активно помогал этой миграции татар, а также собирал брошенное на их подворьях продовольственное зерно. Такая опе-

* Правильно: Ялпух и Катлабух.

ративность, несомненно, способствовала укреплению боеспособности крепости⁴¹.

О состоятельности буджакских татар еще в начале второй половины XVII в. писал знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби. Он сообщает, что двести селений в землях от Измаила до Аккермана – *«сплошь татарские»*. Из его описаний следует, что именно благодаря жителям степи в османских городах края так много белого хлеба, запасов зерна в амбарах, хороших меда, мяса, сыра, а на обрабатываемых полях – пшеницы и ячменя. По словам побывавшего в здешних местах автора, *«у этих татар столько имущества, продовольствия, скота и военной добычи, сколько нет, пожалуй, [даже] в Крымской земле. Это именно они снабжают Стамбул маслом и медом»*⁴².

Неизвестный русский автор начала XVIII в. сообщал, что в степях Буджака *«лошадей и рогатого скоту – волов, и яловиц, и баранов, и живностей довольно, и сенами изобильно, и рогатый скот и лошадей кормят по полям в степи»*. Однако его суждения о земледелии звучат куда более пессимистично: *«У них в хлебе скудно; и кроме проса да ячменя не родица, и печеного хлеба не продают, понеже сами не имеют, а питающа больше мясом и молоком да просяными и ячменными лепешками»*. К тому же в мирное время воровство и грабеж соседей были обычными занятиями для Буджакской орды, чему потакал крымский хан, который *«довольствовался живностями и провиантом»*, имея с двух сотен здешних татарских селений ежегодный доход в 30 000 тыс. талеров – *«левков»*, а с трофеев военного времени он взимал десятину⁴³.

По сообщению упомянутого турецкого источника 1740 г., жившие на плодородных землях Буджака татары были *«очень зажиточны»*. Они владели большим количеством овец, крупного рогатого скота, лошадей и двугорбых верблюдов, на которых пахали. Изобилие пшеницы (особенно *«арнаутской»*), ячменя и других злаковых культур было столь велико, что зерно вывозили на продажу в Килию, Измаил и Аккерман. Молочные продукты и топленое говяжье сало поставляли в Константинополь. Причем некоторые из татар сами распродавали свои товары, не прибегая к помощи посредников из местных армян и турок⁴⁴.

Судя по произведению Иоганна Тунманна, в течение нескольких десятилетий после этого (до 1777 г.) положение изменилось. Он утверждает, что буджакские татары владеют большими стадами крупного рогатого скота и овец, разводят лошадей, а их необыкновенно плодородная земля производит в больших количествах и высокого качества *«всякого рода зерно»*: пшеницу, рожь, а особенно просо и ячмень, урожаи которого якобы достигали сам-сто. Кроме того, буд-

жаки *«много занимаются пчеловодством»*. Произведенные ими зерно и иные продукты, согласно его сведениям, поступали на рынки Аккермана и Килии. Автор из Саксонии счел уместным подчеркнуть: земледелие *«они ведут лучше, чем остальные ногайцы»*⁴⁵. Следует помнить, что османы временами прилагали немалые усилия, чтобы принудить татар Буджака перейти к оседлому образу жизни⁴⁶.

Вряд ли достижения в этой сфере стали к началу XIX в. необратимыми. Во всяком случае в 1807 г. генерал А.Ф. Ланжерон был не очень высокого мнения о сельскохозяйственном прогрессе обитателей буджакских степей. Граф весьма прямолинейно констатировал: *«Татары, по натуре своей народ ленивый и непривычный к земледелию, питались молоком и немного мясом; их доход главным образом составляла торговля скотом и лошадьми. Они мало сеют пшеницы и ячменя, а разводят только маис (турецкая рожь), который молдаване называют кукурузой. Великолепные пастбища Бессарабии так велики, что они позволяли в каждой деревне не только держать по 20, 30 и до 100 голов скота, но даже венгры и трансильванцы пользовались ими, пригоняя туда на зиму огромные стада баранов и платя за каждую голову небольшую сумму денег, составлявших доход страны»*⁴⁷.

Товарно-денежные отношения российских военных с буджаками не сложились изначально. 11 декабря 1806 г. генерал Мейндорф прибыл в Каушаны – резиденцию *«татарского воеводы»*, но в присутствии обоих гарантов декларируемых дружественных отношений возникла серьезная проблема со снабжением вверенных ему подразделений. Чтобы выйти из создавшегося затруднительного положения, командующий корпусом *«по незаготовлению от татар разных нужных к продовольствию войска потребностей принужден был назначить войскам 12-е число иметь роздых»*⁴⁸.

Далее ситуация и вовсе вышла из-под контроля. Обещанная плата за продовольствие и фураж наличными обернулась для татар полным несчастьем. В русской армии очень быстро стал царствовать *«дух хищения»*. Согласно свидетельствам графа Ланжерона, *«командиры полков и разные спекуляторы из Одессы и Херсона сначала покупали скот по очень низкой цене, отправляя его вниз по Днестру и продавая его там по дорогой цене»*. Впрочем, довольно скоро они перестали скупать животных у татар, поскольку появился еще более простой путь наживы. Скот фактически по бросовым ценам сбывали им казаки, которые с легкостью воровали его у татар, поскольку их *«стада паслись без всякого призора и охраны»*. Мейндорф не только не пресекал эти бесчинства, но и *«воспользовался их добычей с полным бесстыдством. Он сам публично продавал русским и молдавanskим купцам огромное количество скота, которое похищал атаман»*.

казаков и делился с ним»⁴⁹. Очевидно, что под статью командующему были и другие военачальники.

Среди любителей легкой наживы А.Ф. Ланжерон особо выделил другого ливонского барона - Андрея Павловича Засса (1753-1815). В ходе войны этот генерал взял Измаил, Туртукай, Кладово, разбил турок при Калафате и был заслуженно отмечен многими высокими наградами. Автор характеризует его как человека очень умного, любезного, хладнокровного, храброго, деятельного и твердого: *«Он всегда распознавал хитрости своих врагов и умело действовал против них. (...) Безусловно, он был один из лучших генералов нашей армии»*. Однако все эти великолепные качества меркли в сравнении с вызывавшей всеобщее возмущение сослуживцев аморальностью: *«Ничто не было священо для него самого, и сам Мейндорф мог бы брать уроки у него»*⁵⁰.

Засс проявил чуть ли не врожденный талант в финансовых спекуляциях, *«отдаться которым невозможно было с большим жаром»*. Заняв Килию, он оставил там пеших воинов, тогда как *«кавалерию расположил по деревням»*, находившимся у озер между крепостями Килия и Измаил. При этом подчиненный ему *«драгунский полк составлял тот источник, которым он пользовался для добычи денег»*⁵¹. Дело в том, что в степных селениях находилось много зерна и фуража. *«Засс захватывал все эти продукты, а в рапортах писал, что он покупал их, но так как он сам был и старшим начальником этого отряда, то он же и назначал цены, совершенно произвольные, доходившие до чудовищных размеров»*. Специальная провиантская комиссия, с которой он умело делился, разумеется, охотно выплачивала запрашиваемые бароном суммы. В результате потраченные на *«воображаемые покупки»* внушительные денежные средства присваивались самим генералом и его полковыми командирами. Кроме того, лишнее зерно Засс и его люди направляли для продажи в Одессу или сбывали *«на месте разным торговцам, авантюристам и скупщикам - грекам, французам, русским, итальянцам, толпами приезжавшим из Одессы и Херсона»*. Также было продано множество скота, значительная часть которого досталась венграм⁵².

Сообщения графа-француза, находившегося в подчинении у Мейндорфа, можно было бы посчитать намеренно искаженными, если бы не свидетельства еще более высокопоставленного лица - близкого к императору Александру I адмирала Павла Васильевича Чичагова (1767-1849), принявшего в самом конце войны Молдавскую армию. Когда в мае 1812 г. он ехал через Молдавию и Валахию, то обратил внимание на повсеместно оставленные жилища: *«Хозяева домов скитались по лесам, чтобы избавиться от требо-*

ваний властей и от притеснений солдат». На степень развала дисциплины указывало то, что *«грабежи производились по приказу»* и что *«военные брали у торговцев все, что только им было нужно»*. Адмиралу пришлось наказывать даже солдат собственного почетного караула, укравших *«провизию из соседних домов»*. При этом главным виновником безобразий командующий называет М.В. Кутузова. Три месяца потребовалось, чтобы *«грабительство в больших размерах стало невозможным»*⁵³.

На самом деле эта порочная практика сложилась еще в начале кампании. В результате всеобщего интендантского азарта содержание одного только корпуса Мейндофа обошлось в несколько миллионов. И тут во главе бесславных, но, увы, обычных для военной поры деяний находился сам начальник. *«Трудно найти более безнравственного, чем он; жажда добывать деньги самыми недостойными средствами была целью его помыслов и действий»*, – возмущался генерал, нежелание которого участвовать в постыдных грабежах становилось предметом насмешек. А.Ф. Ланжерон указывает, что *«при строгой, честной и ловкой администрации»* государство избежало бы неоправданных затрат на армию и могло бы за счет Бессарабии пополнить казну на те же несколько миллионов... Местных ресурсов хватало, по его представлениям, чтобы *«прокормить войско в шесть раз больше того, чем было у нас»*⁵⁴.

Войны издревле наносили большинству людей страшные разрушения и огромный материальный ущерб⁵⁵. Движение войск чрезвычайно разоряло жителей населенных пунктов, оказавшихся в зоне боевых действий. Многие люди попрятались в горах, поэтому и Молдавия, и Валахия в значительной мере опустели. Например, в прежде очень значительном городе **Троян*** в 1808 г. оставалось лишь три дома. Тогда же Нижегородский полк находился в трех совершенно пустых деревнях, имевших в 1807 г. по 500-600 домов⁵⁶.

Что касается татар, то борьба за них обострялась и приобретала форму откровенного сгона с привычных для кочевий родовых земель. Причем преимущество довольно быстро оказалось у османов. Здесь сказались не только единая вера и языковая близость. В частности, если Россия намеревалась переселить татар на недавно завоеванные ею земли к востоку от Днестра, то турки в случае успеха собирались оставить татар в Буджаке. Не последнюю роль в этом сыграла и обманчивость политики дружелюбия русского командо-

* Очевидно, населенный пункт в районе современного села Ваду-луй-Исак (Молдова), находящийся в месте, где Троянов вал подходит с востока к реке Прут.

вания. *«Несчастливые татары, разграбленные и разоренные, пробовали жаловаться, но бесполезно, так как никто их даже не выслушивал. Возмущенные до последней крайности, они решили примкнуть к Пегливану».* Так как русские посты находились в нескольких десятках верст от Измаила, проживавшие на расстоянии 1-2 дней пути от крепости татары практически беспрепятственно уходили к туркам. *«Каждый день туда перекочевывали целые деревни»* со всем своим скотом и имуществом⁵⁷.

В конце января – начале февраля 1807 г. Пегливан предпринял два крупных рейда с целью облегчить передвижение татар к Измаилу, чему препятствовали русские войска. Произошли довольно крупные сражения. В одном из них, при селении Куй-бей (Кинбей), численность неприятельской конницы доходила до 7-8 тыс., а счет убитым шел на сотни. Замысел турок поднять буджакских татар против российских войск начинал осуществляться, поэтому их действия определялись не иначе как восстание⁵⁸. По словам А.Ф. Ланжерона, *«оставалось единственное средство, которое могло бы заставить татар перейти Днестр – это быстрым налетом (...) настичь их и пригнать, как стадо, к Днестру; ничего лучше этого не могло быть».* Однако это предложение Мейндорф отклонил из-за трусости⁵⁹.

Участь татар, попавших в жернова войны, была предрешена. Превратившись для русских во врагов, многие из них в спешке бросали свои подворья, лишь бы спастись. После этого, *«когда случалось приближаться к прежнему селению, то на далекое расстояние слышалось мяуканье, кудахтанье, и бесчисленное множество кошек, индеек, кур, гусей и уток появлялось перед человеком, как бы умоляя о помощи своего законного покровителя. Долгое время наши казаки и солдаты питались одной только птицей».* Те, кто успевал собрать пожитки, зачастую сами разрушали свои дома. В других случаях татарские селения сжигали отряды военных. Впрочем, даже нетронутые людьми глинобитные жилища *«не продержались и месяца, как обвалились».* Согласно данным участника событий, в Россию удалось отправить только незначительную часть татар Бессарабии, тогда как $\frac{3}{4}$ из них ушло в Измаил⁶⁰.

Между тем в военное время и среди татар, по всей вероятности, были невосполнимые потери. По крайней мере, некоторые из мужчин, примкнувших к Пегливану-паше и сражавшихся на стороне турок, погибли. Известно, что в войнах риск смерти молодых мужчин увеличивается в 10-15 раз. Кроме того, потери от болезней в европейских войнах 1733-1865 гг. были в 4,5 раза больше, чем от оружия – 6,5 млн чел. из более 8 млн погибших⁶¹. Болезни и другие лишения, из-за которых с началом русско-турецкой войны среди степняков резко увеличилась смертность детей, женщин, стариков,

поставили буджакских татар под угрозу демографической катастрофы. В отличие от воинского контингента учет такого рода утрат никто не вел⁶². Однако показательны такие цифры: по соглашению 1807 г. в Таврическую губернию должно было переселиться 6404 ногайцев, однако до реки Молочной добралось лишь 3945 чел. После заключения Бухарестского мира 3199 бывших буджакских татар возвратились в земли Османской империи. Стало быть, более половины из них (при отсутствии военных действий!) или умерли, или рассеялись в причерноморских степях⁶³.

А.Ф. Ланжерон рассказывает, как его отряд настиг между озерами Кочегул и Котлибух *«бесчисленную толпу татар»*, собравшихся для переселения в Измаил. Русские разбили конвой, взяли много повозок, лошадей, скота. Правда, в темноте около половины добычи потеряли, *«но и другой части было достаточно, чтобы обогатить весь отряд»*⁶⁴. Этот любопытный эпизод будней генерала раскрывает целый ряд не совсем ясных мест финального этапа истории татар Бессарабии. Во-первых, как оказалось, французский граф во все не был чужд интереса к богатым трофеям. Во-вторых, присущая русской армии недисциплинированность имела место и среди его подчиненных. В-третьих, наравне с множеством других генералов и офицеров его мало интересовали татары. О судьбе в одночасье обездоленной по его команде многочисленной толпы людей автор записок даже не упомянул.

Это и есть основные обстоятельства, при которых *«в Бессарабии татарские деревни были в 1807 году покинуты своими жителями, а их дома были так быстро уничтожены, что через шесть месяцев с трудом можно было найти даже расположение этих деревень»*⁶⁵. Жертвой начального периода войны Российской и Османской империй стало еще не вполне оформившееся образование, именовавшееся Буджакской ордой. Эта татарско-мусульманская общность так и не смогла консолидироваться в единый народ. Она попросту исчезла. Сохранившиеся кое-где до сих пор группы потомков буджакских татар вызывают определенный академический интерес, хотя уже более двух столетий они лишены перспектив самостоятельной социальной эволюции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Накко К. Очерк гражданского управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806-1812 года // ЗООИД. Т. XI. Одесса, 1879. С. 289.

2. История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965. С. 352, 373.

3. *Зеленчук В.С.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979. С. 69.
4. *Бачинский А.Д., Добролюбский А.О.* Буджакская орда в XVI-XVII вв. (историко-археологический очерк) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988. С. 89; *Бачинский А.Д., Добролюбский А.О.* Конец Буджакской орды (по монетным находкам в погребальном инвентаре могильника у с. Бурсучень) // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 212.
5. *Паламарчук С.В.* Забытая земля: историческая область Бессарабия. Одесса, 2008; *Хайдарлы Д.И.* Население Пруто-Днестровского междуречья и южных районов Левобережья Днестра в XVIII веке. Этнодемографические и исторические аспекты. Кишинев, 2008.
6. Записи И.П. Котляревского о первых действиях русских войск в турецкую войну 1806 года // Киевская старина. 1900. № 12. С. 334.
7. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб., 1907. Т. CXXX. № 5. С. 432.
8. Записи И.П. Котляревского... С. 335.
9. Записки графа Ланжерона. Т. CXXX. № 5. С. 432.
10. Записи И.П. Котляревского... С. 342.
11. *Хайдарлы Д.И.* Указ. соч. С. 372-373.
12. Записи И.П. Котляревского... С. 343-344.
13. *Бачинский А.Д., Добролюбский А.О.* Буджакская орда... С. 88; *Бачинский А.Д., Добролюбский А.О.* Конец Буджакской орды. С. 213.
14. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. М., 1961. С. 40.
15. *Тунманн.* Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 55-56.
16. *Губогло М.* Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М., 1964. С. 143.
17. *Хайдарлы Д.И.* Указ. соч. С. 369-370.
18. *Зеленчук В.С.* Указ. соч. С. 69.
19. *Бачинский А.Д., Добролюбский А.О.* Конец Буджакской орды. С. 214.
20. *Бачинский А.Д., Добролюбский А.О.* Конец Буджакской орды. С. 216.
21. Записи И.П. Котляревского... С. 341, 344.
22. *Димитрий Кантемир.* Описание Молдавии. Кишинев, 1973. С. 24-25.
23. Записки графа Ланжерона. Т. CXXX. № 5. С. 439.
24. Записки графа Ланжерона. Т. CXXX. № 6. С. 593, 605, 608.
25. *Свиньин П.* Описание Бессарабской области // *Stratum plus*. 2001-2002. № 6. Знамена цивилизаций. С. 392.
26. Записи И.П. Котляревского... С. 342.
27. *Поляков Л.Е.* Цена войны: демографический аспект. М., 1985. С. 35.
28. *Зеленчук В.С.* Указ. соч. С. 78.
29. Записи И.П. Котляревского... С. 344.

30. Бачинский А.Д., Добролюбский А.О. Конец Буджакской орды. С. 218.
31. Записи И.П. Котляревского... С. 336.
32. Записи И.П. Котляревского... С. 343-344.
33. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 5. С. 441.
34. Ланжерон, Александр Фёдорович. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%BD%D0%B6%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%BD_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%A4%D1%91%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 30.05.2012).
35. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 604-607.
36. Петров А.Н. Война России с Турцией 1806-1812 гг. Т. I. 1806 и 1807 гг. Михельсон и Мейндорф. СПб., 1885. С. 118 и др.
37. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 5. С. 444; № 6. С. 590, 592.
38. Петров А.Н. Указ. соч. С. 119.
39. Записи И.П. Котляревского... С. 347.
40. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 594, 598.
41. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 593-594.
42. Эвлия Челеби. Указ. соч. С. 32-33, 36, 38, 40.
43. Руссов А.А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII в. и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия. Киев. 1876. С. 81-82.
44. Губогло М. Указ. соч. С. 142-143.
45. Тунманн. Указ. соч. С. 52, 56.
46. Бачинский А.Д., Добролюбский А.О. Конец Буджакской орды. С. 216.
47. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 593.
48. Записи И.П. Котляревского... С. 345.
49. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 596-597.
50. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 5. С. 444-446.
51. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 595.
52. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 595-598.
53. Из записок адмирала Чичагова. Дела Турции в 1812 году // Русский архив. 1870. № 9. Стб. 1534.
54. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 5. С. 445; № 6. С. 595-596.
55. Поляков Л.Е. Указ. соч. С. 55-56.
56. Записки графа Ланжерона. Т. СXXXI. № 9. С. 577.
57. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 608.
58. Петров А.Н. Указ. соч. С. 115, 142-147.
59. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 604.
60. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 610-611.
61. Поляков Л.Е. Указ. соч. С. 45, 53.
62. Петров А.Н. Указ. соч. С. 142, 147.
63. Бачинский А.Д., Добролюбский А.О. Конец Буджакской орды. С. 217-218.
64. Записки графа Ланжерона. Т. СXXX. № 6. С. 610.
65. Записки графа Ланжерона. Т. СXXXI. № 9. С. 577.